

НОВАЯ НАУЧНАЯ ПАРАДИГМА

В.М. Розин

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДИСПОЗИТИВА СОЦИАЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье социальность рассматривается как предельная онтология и диспозитив, т.е. как гетерогенное идеальное построение, используемое в качестве средств решения методологических проблем и объяснения дискурсов социальности. В диспозитиве социальности автор выделяет пять основных «топа» (независимых и взаимосвязанных плана исследования): способ (подход, ценности, рамка) конституирования социальности исследователем; описание (анализ) направляемых и спонтанных социальных трансформаций; характеристика взаимодействий субъектов социального действия, к которым относятся общество, власть, сообщества, индивиды и личности; задание и характеристики социального действия, позволяющего направлять процесс социальной трансформации; истолкование социальности как своеобразного организма. Предлагается описание каждого топа. При этом реализуется методологический подход, позволяющий осуществить проблематизацию, ситуационный анализ, конституировать в первом приближении диспозитив социальности. Общие теоретические положения опираются на анализ кейсов. В результате удалось охарактеризовать социальность как предельную онтологию, различив в ней пять горизонтов. Центральными являются три – направляемые социальными месседжами социальные трансформации, как правило, обуславливающие развитие целого; взаимоотношение субъектов социального действия, которые обеспечивают протекание этих трансформаций; ценности исследователя и его подход к изучению социальности.

Ключевые слова: социальность, социальное действие, трансформации, мессежди, общество, сообщества, индивиды, личности, развитие, социальный организм.

Review. In his article Rozin views sociality as ultimate ontology and dispositif, i.e. heterogeneous ideal construct that is used to solve methodological problems and to explain discourses on sociality. The author of the article describes the five main 'tops' in the dispositif of sociality (i.e. independent but complementary outlines of research): the method (approach, values, framework) used by a researcher to construct sociality; description (analysis) of directed and spontaneous social transformations; characteristics of interaction between subjects of social actions including society, government, communities, individuals and personalities; structure and description of a social action allowing to direct the process of social transformation; and interpretation of sociality as an organism. The author provides a description of each 'top'. Rozin has applied the methodological approach allowing to accomplish problematisation and case study and to construct the dispositif of sociality at first approximation. General theoretical provisions are based on the analysis of cases. As a result of his research, Rozin has managed to describe sociality as ultimate ontology and to define the five 'horizons' therein. The three horizons are central, social transformations that are directed by social messages and contribute to the integral development; interaction between social action subjects who ensure the progress of these transformations; and values of a researcher as well as his approach to studying sociality.

Keywords: individuals, community, society, the message, transformation, social action, sociality, personality, development, social organism.

1. Особенности изучения социальности

Понятие «социальность», понимаемое антропологически, в качестве ценности или свойств, приобретённых в процессе социализации, всё чаще в настоящее время наделяется другим значением, а именно, под социальностью стали понимать пре-

дельное онтологическое основание социальных наук. В этом плане близкими по смыслу к понятию социальности для меня выступают понятия «социальная реальность», «онтология социальных наук». Мой интерес к социальной реальности идёт от культурологических исследований, а также ра- бот по философии техники и методологии науки.

Большинство современных социальных исследований являются междисциплинарными. Здесь нет одной науки (дисциплины), на которую может ориентироваться исследователь. Наук несколько, причём какие нужно привлекать часто выясняется только в процессе исследования. Логика исследования и понятия при смене научной дисциплины на разных этапах меняются. Получается, что синтагматика в междисциплинарных исследованиях вроде бы одна, а парадигматик много. Спрашивается, каким образом исследователь может в них ориентироваться, где здесь целое, каким образом он разворачивает свою мысль? Вот, например, что в исследовании З. Баумана «Актуальность холокоста» целое в плане изучения? Холокост только имя трагедии, а каков объект? Выясняется, что объектов изучения много разных: исторические предпосылки антисемитизма, состояние немецкой демократии, процесс захвата власти нацистами, характер немецкой бюрократии и государства, расистские концепции и их реализация, трансформация индивида и личности в социальных машинах и экстремальных ситуациях, перерождение общества и другие. Чем связаны эти объекты помимо того, что они выступают сторонами холокоста? Можно ли говорить, что все они принадлежат социальности как предельной онтологии социальной науки? Можно ли вообще здесь говорить о социальной науке, ведь Бауман скорее критикует традиционные социологические представления, чем используют их. Зато он оперирует понятиями, относящимися к другим, не социологическим дисциплинам, а традиционные так видоизменяют, что многие социологи вряд ли с этим согласятся [1].

Понятно, почему практически во всех науках всё больше переходят к междисциплинарным исследованиям. Осмысление получается более объёмным и убедительным, но главное, конечно, в другом – развитие философии и методологии науки позволило деконструировать объекты разных наук, установить их сходство и специфику, создало возможность переходить от одной научной дисциплины к другой, создав, тем самым предпосылки для формирования нового онтологического видения, позволяющего за одним онтологическим планом видеть другие, за процессом – его предпосылки и условия. В результате современный учёный ведёт своё исследование в ментальном пространстве, образованном разными научными дисциплинами. При этом непонятно становится, что происходит с научными дисциплинами, кото-

рые работают на междисциплинарные исследования, можно ли в данном случае говорить о предельной онтологии, сохраняется ли возможность опознавать то или иное междисциплинарное исследование как принадлежащее к определённой типу наук (например, по-прежнему говорить о социологических или более широко социальных науках и исследованиях).

Однако, каким образом познавать социальную реальность, не имея предельной онтологии? «Ощущение кризиса, которое, на мой взгляд, стало центральным для социальных наук, – пишет Бруно Латур, – теперь можно выразить так: при расширении ряда сущностей, новые ассоциации не образуют жизнеспособной сборки. И именно здесь на сцену снова выходит политика, определяемая нами как интуиция того, что самих ассоциаций недостаточно: ещё нужна их *композиция*, чтобы *выстроить* общий мир. Будь то к лучшему или к худшему, но социология, в противоположность своей сестре антропологии, никогда не сможет удовлетвориться множественностью метафизик; она нуждается и в постановке онтологической проблемы единства этого общего мира» [2, с. 355].

Одним из подходов к разрешению этих проблем является «диспозитивный анализ». «Что я пытаюсь ухватить под этим именем, – пишет Фуко, – так это, во-первых, некий ансамбль – радикально гетерогенный, – включающий в себя дискурсы, институции, архитектурные планировки, регламентирующие решения, законы, административные меры, научные высказывания, философские, но также моральные и филантропические положения, – стало быть: сказанное, точно так же, как и не-сказанное, – вот элементы диспозитива. Собственно диспозитив – это сеть, которая может быть установлена между этими элементами.

Во-вторых, то, что я хотел бы выделить в понятии диспозитива, это как раз природа связи между этими гетерогенными элементами. Так, некий дискурс может представлять то в качестве программы некой институции (т.е. «публичного дискурса» – *В.Р.*), то, напротив, в качестве элемента, позволяющего оправдать и прикрыть практику, которая сама по себе остается немой (эта практика реконструируется как «скрытый дискурс» – *В.Р.*), или же, наконец, он может функционировать как перосмысление этой практики, давать ей доступ в новое поле рациональности (мы бы сказали, что в данном случае речь идёт об условиях, обеспечивающих трансформацию и развитие – *В.Р.*).

Под диспозитивом, в-третьих, я понимаю не которого рода – скажем так – образование, важнейшей функцией которого в данный исторический момент оказывалось: ответить на некоторую неотложность. Диспозитив имеет, стало быть, преимущественно стратегическую функцию» [3, с. 368].

Я понятие Фуко переосмыслю в рамках методологического подхода. Под диспозитивом не которого явления буду понимать схему (описание) этого явления как идеального объекта, содержащую отдельные стороны (планы, составляющие) этого объекта, причём такая схема в той или иной степени учитывает анализ дискуссов, развёрнутых по поводу данного явления, позволяет объяснить проблемы, относящиеся к этому явлению, создаёт возможность воздействия на него. Диспозитив задаёт хотя и целостное, но гетерогенное представление объекта. В модальном отношении этот объект может быть опознан как «объект возможный», его строение проясняется, уточняется и конкретизируется (а также пересматривается, если это необходимо) в ходе исследований и создании диспозитивной дисциплины, описывающей и объясняющей этот объект.

2. Задание и описание «топов» социальности

Мои исследования позволяют говорить о пяти топах диспозитива социальности (*от древнегреческого τόπος – букв. «место», перен. «тема», «аргумент»*), а именно:

- *первый топ*, способ (подход, ценности, рамка) конституирования социальности исследователем;
- *второй*, описание (анализ) направляемых и спонтанных социальных трансформаций;
- *третий*, характеристика взаимодействий субъектов социального действия, к которым относятся общество, власть, сообщества, индивиды и личности;
- *четвёртый*, задание и характеристики социального действия, позволяющего направлять процесс социальной трансформации;
- *пятый топ*, истолкование социальности как своеобразного организма.

Что я понимаю под топом социальности? Определённый срез (план) социальности, с одной стороны, с точки зрения изучения, выступающий как самостоятельная реальность, с другой – тесно связанный с другими топами, выступающие как необходимые условия существования данного топа. Хотя диспозитив

социальности включает описание всех пяти топов, которые задают социальность как целое, тем не менее, отдельные топы могут рассматриваться самостоятельно, как обладающие специфической логикой событий. Их связь с другими топами обнаруживается явно на следующем шаге построения диспозитива при переходе к описанию этих топов; неявно она должна быть задана в строении топа.

Сказанное можно проиллюстрировать на материале анализа книги З. Баумана «Актуальность холокоста» [4]. Топами в данном случае являются. *Первый*, ценности и методология изучения холокоста, конкретно, те представления, которые обусловили в его исследовании природу холокоста как социального феномена. Так Бауман стремился реализовать культурно-исторический взгляд; рассмотреть холокост как идеально-типическое построение (по М. Веберу); отчасти понять механизм становления этой страшной реальности, т.е. провести в своём изучении ослабленный вариант естественнонаучного подхода (ослабленный потому, что не было ни применения математики, ни построения эксперимента); критикуя традиционную социологию и намечая новое понимание социальной реальности, реализует он и философско-методологический подход; наконец, налицо его гуманитарные пристрастия.

Второй топ, процесс становления и функционирования холокоста. Этот процесс был запущен нацистскими посылами (программами и проектами) и включал в себя ряд событий: захват нацистами власти, создание социальной технологии окончательного решения еврейского вопроса, а также других нацистских технологий (развёртывание армии, идеологии и судопроизводства, воспитание молодежи и пр.), построение новых институтов, обеспечивающих воспроизводство данных технологий. Речь идёт о социальной трансформации, в результате которой сложился новый тип социальности, характерный для третьего рейха.

Третий топ. Анализ взаимоотношений, складывающихся между нацистской элитой, немецким обществом, профессиональными сообществами, евреями и другими этносами, подвергавшимися геноциду, народами, которые считались союзниками Германии или его врагами. Например, сначала немецкое общество было напугано еврейскими погромами и нарушением Гитлером международных прав, и в этом смысле оно не поддерживало его, но потом нацистской элите с помощью немецкой бюрократии и судейского корпуса, а также выполнения обещаний порядка и более обеспеченной

жизни удалось склонить общество поддержать политику Гитлера.

Четвёртый топ. Сложная система управления социальными нововведениями, которую создало нацистское государство (этот топ Бауман фактически не рассматривал, но в других исследованиях нацизма он анализировался; см. например, доклад А.Б. Рудакова «Контроль над обществом: опыт Главного управления имперской безопасности Третьего рейха» [5]).

Пятый топ. Характеристика становления и функционирования нацистского государства и общества в качестве социального организма. Для внутренней среды третьего рейха было характерно создание согласованных социальных институтов, обеспечивающих решение поставленных Гитлером задач; для внешней – завоевание или уничтожение других народов. Но Гитлер не учёл ни общей экономической мощи его противников, превосходящей немецкие возможности, ни быстро возрастающего сопротивления его армиям, ни слабости и античеловечности самих идей, предлагаемых нацистами миру. В результате ему не удалось реализовать свою программу, а Германия была разгромлена, т.е. нацистский социальный организм не смог выжить в борьбе с социальными организмами СССР и Запада. Рассмотрим теперь подробнее характеристики каждого топа.

Первый топ. В социальных науках важное значение для понимания теоретических построений имеет осознание тех позиций и априорных (или сознательно проводимых) предпосылок, с точки зрения которых, ведётся социальный анализ. Пример, предпосылки исследования Баумана. Для него было очевидно ещё до всяких исследований, что холокост представляет собой урок для социологов и общества, который, по сути, до конца не осознан и не проанализирован, что существуют культурно-исторические предпосылки этого страшного феномена, что значительную роль в возникновении холокоста сыграли слабость демократии, сосредоточение всей власти в руках Гитлера, действие немецкой бюрократической машины государства.

Вообще, если мы хотим лучше понимать работу социального учёного, нам необходимо отразить его ценностные установки (предпосылки), образующие рамку его мышления. Если говорить конкретно о более общих ценностных предпосылках социальных учёных, то стоит указать следующие. Во-первых, это представление о том, что социальные науки обсуждают, как *возмож-*

на совместная жизнь и что она собой представляет, Бауман, например, хочет способствовать тому, чтобы эта жизнь была более справедливой, а Бруно Латур говорит, что если нет методов, способных сделать мир общим, собрать коллектив не удастся [2, с. 355]. И для меня тема совместной жизни и возможность сделать её лучше является достаточно актуальной.

Во-вторых, важной ценностной предпосылкой социального учёного выступает *установка на объяснение массового, типичного поведения*. Поступки отдельных людей, разрывающие с социальной обусловленностью, или связанные с уникальными особенностями их личности, мало интересуют социального учёного. Но ситуация кардинально меняется, если речь идёт о том, как отдельные сообщества или даже личность (Александра Македонского, Наполеона, Гитлера, Сталина), получив большую власть, начинают определять социальные процессы. Этот случай, естественно, очень занимает социального учёного.

Другое исключение – поступки личности, проливающие по своей противоположности свет на массовое поведение. Именно их обсуждает Бауман. «После холокоста, – пишет он, – правовая практика и теория морали столкнулись с возможностью того, что мораль может проявляться в неподчинении по отношению к социально поддерживаемым принципам и в действии, открыто бросающем вызов общественному единству и согласию. Для социологической теории сама идея досоциальных оснований нравственного поведения предвещает необходимость радикального пересмотра традиционных толкований происхождения норм морали и их обязывающей силы» [4, с. 210].

В-третьих, социальные процессы и структуры в социальных науках рассматриваются (берутся) *вместе с социальным действием, направленным на социальную трансформацию* (развитие, революцию, реформы и прочее). В свою очередь, социальная трансформация часто обусловлена требованием восстановить или добиться социальной справедливости.

Второй топ. Социальные изменения и трансформации – это, можно сказать, основная форма социальной жизни, подобно тому, как жизнедеятельность – основная форма существования индивида. Я различаю два основных типа: *направляемые* социальные изменения и *спонтанные*. Например, организация «Хрустальной ночи», разработка новых социальных технологий, соз-

дание нацистских социальных институтов – пример направляемых социальных изменений, а вот первоначальная реакция немецкого общества на еврейские погромы или более позднее очерствение общества, принявшего нацистскую политику, которая касалась неполноценных народов, представляет собой пример спонтанных изменений. Кроме того, важно различить социальные изменения, ориентированные на сохранение основных социальных структур (для традиционных обществ – это основные социальные процессы) и ориентированные на развитие (создание новых социальных структур, кардинальные изменения и пр.; назовём первые социальные изменения «сохраняемыми», а вторые – «развивающимися»).

Правда развитие имеет место и в социумах, для которых характерны сохранённые социальные изменения, просто оно идёт медленнее и происходит именно спонтанно. При этом, нельзя жить, не развиваясь. Уже само функционирование культуры приводит к развитию [6]. Кроме того, внутренние противоречия (например, между картиной мира и реальным состоянием дел), внешние катаклизмы, неоднородность развития разных социальных организмов, борьба за ресурсы и многое другое обуславливают необходимость развития как органического момента социальной жизни.

В направляемых социальных изменениях, в свою очередь, можно различить две основные составляющие. Это, во-первых, *социальный посыл* («социальный месседж», «социальное послание», «социальный проект»), который формируется в ответ на проблемы, стоящие в культуре. Как правило, ядро социального посыла составляют схемы, что и понятно, поскольку схемы разрешают проблемные ситуации, задают новую реальность, позволяют иначе действовать [7]. Социальный посыл и схемы адресуются заинтересованным субъектам или субъектам, подлежащим управлению. Но чтобы их увидеть, необходима специальная реконструкция. Например, манифесты философа и политика Исократы, инициировавшие походы Александра Македонского, могут быть истолкованы по-разному: просто как литературно-политические манифесты, как социальные послы, адресованные греческим полисам, а также конкретно Филиппу и Александру, как схемы, отвечающие на тогдашние вызовы времени, задающие новую реальность, провоцирующие греков на завоевания Персии [8]. В данном случае эти интерпретации не противоречат, а скорее дополняют друг друга.

Во-вторых, направляемые социальные изменения можно понимать как *деятельность*, направленную на реализацию принятых социальных посылов. В свою очередь, как я старался показать, эта деятельность представляла собой, с одной стороны, построение социальной технологии, если речь идёт о современности (а для предыдущих культур, просто нахождении средств и способов реализации социального посыла), с другой стороны, построение социальных институтов, позволяющих эту технологию (или способы) воспроизводить.

Если же говорить об условиях, которые дают возможность осуществить направляемые социальные изменения, то можно указать следующие: 1) семиотические и технические условия (например, изобретение новых схем и способов их реализации), 2) антропологические (люди, социальные субъекты – общество, сообщества, индивиды, личности), 3) хозяйственно-экономические, 4) организационно-управленческие. Стоит обратить внимание на то, что эти типы нужно характеризовать заново.

Можно указать на важную особенность разворачивания деятельности по реализации социальных посылов. З. Бауман в своей книге показывает, что решение исходных задач реформирования потребовало постановки и решения новых задач, а те, в свою очередь, ещё одних и так далее, до тех пор, пока не была построена эффективная машина войны и уничтожения неполноценных народов. Примерно та же схема просматривается, если продумать, что Б. Латур подразумевает, говоря о «посредниках» [2, с. 331-332]. Получается, что реализация социальных посылов, как правило, приводит к разворачиванию деятельности и созданию промежуточных звеньев (посредников).

Этот механизм порождения вполне объясним в рамках философии техники. Построение новой деятельности – это в значительной мере техническое (технологическое) изобретение: нужно найти естественные процессы (в данном случае, это процессы деятельности), работающие на решение новых задач (реализацию социальных посылов), и так организовать деятельность, чтобы запустить эти процессы и направлять их. Если в обычной инженерии деятельностью организуются природные процессы (движения тел, тепловые явления, электромагнитные и пр.), то в социальной инженерии в роли природных процессов (вторая природа) выступают одни процессы деятельности, которые организуются другими процессами деятельности [9]. При этом выясняется, что решение данных задач тре-

бует ещё одних изобретений в силу своеобразного сдвига на условия и средства (т.е., чтобы построить новую деятельность, нужны определённые средства и условия). Учтём и такое обстоятельство. Начинается процесс изобретения с построения новых схем, которые должны быть технически воплощены. В этом смысле отчасти становится понятной природа посредников: они складываются в процессе становления деятельности в условиях сдвига на средства и условия на основе семиотических (схемных) и технических изобретений. Подобные сдвиги и изобретения, на которые накладываются процессы разделения труда и осмысления, объясняют многие социальные феномены. Например, природу техники как поставы, обособление отдельных деятельностей-посредников, что ведёт к отчуждению (потерю смысла отдельных деятельностей), перевёртываю отношений, когда разворачивание деятельности начинает диктовать смысл процессу развития деятельности.

Теперь специально о развивающих социальных изменениях. На первый взгляд, кажется, что деятельность по реализации социальных посылов здесь вполне обычная. Есть цели, средства, процедуры, субъекты и прочее. Но это не так. Дело в том, что в условиях развития, хотя инициаторы социальных трансформаций (назовём их «социальными пионерами») действуют привычными способами, они не могут быть уверены, что получится именно то, что получается обычно, поскольку в ситуациях развития действовать приходится в новых условиях, экспериментировать, создавать новые схемы. Подобная деятельность, в значительно степени творческая, протекает и разворачивается в условиях неопределённости.

Но в этом случае, если говорить об антропологических условиях, недостаточно реализовать сложившиеся стереотипы поведения людей и отношения между ними. Забегая вперед, в анализ следующего топа, можно обратить внимание на то, что в условиях развивающих социальных изменений главная задача в антропологическом плане – приведение субъектов деятельности (в рамках общества и сообществ, в плане поведения индивидов и личности) в такое состояние, которое как раз и позволяет действовать в условиях неопределённости. Например, Александр Македонский должен был склонить греческое общество и отдельные полисы поддержать его походы, сделал всё, чтобы внушить своей армии уверенность в победе, обещал богатую добычу, а в случае гибели отдельных

соратников не только посмертную славу, но и материальную поддержку их семей [8]. Соответственно, Гитлер и нацисты потратили немало сил, чтобы нейтрализовать сопротивление немецкого общества насилию и, напротив, склонить его полностью поддерживать нацистов. В отношении же других народов была реализована тактика «кнута и пряника», а также прямого обмана.

Другими словами, для развивающих социальных изменений деятельность по реализации социальных посылов протекает в условиях неопределённости, что предполагает приведение субъектов деятельности в особые состояния, обеспечивающие эффективность социальных начинаний и процессов. В свою очередь, выполнение этого условия выдвигает дополнительные требования как к управлению социальными трансформациями, так и к хозяйственной деятельности (см. исследования Гётца Али, проанализировавшего хозяйственный механизм Третьего рейха, позволивший немцам практически до конца поддерживать нацистское правительство [10]).

Третий топ. Анализ эмпирического материала показывает, что в формировании социальных посылов и их реализации участвуют, по меньшей мере, четыре основных субъекта: *сообщества, общество, индивиды и личности.* Кроме того, в некоторых случаях нужно анализировать и действие *фигур, олицетворяющих различные социальные образования,* это своего рода социальные аватары, например, цари, полководцы, вожди, руководители и идеологи партий и пр. Так, в формировании социальных месседжей и затем их реализации в Германии непосредственное (можно сказать судьбоносное для страны) участие принимал Гитлер; в нашей стране Ленин и Сталин. Нельзя понять, что происходило в обеих странах, не учитывая, в первом случае, нацистскую элиту (штурмовиков, эссовцев, военное и промышленное руководство), во втором – партию большевиков.

В обоих случаях речь идёт о предельно пассивных и свободных от нравственных (в принятом смысле слова) норм сообществ. Последние оказали решающее влияние на общество (немецкое и российское), заставив его, где на основе идеологии, где силы и страха сплотиться и действовать в нужном для вождей и элиты направлении. При этом отдельные индивиды (те же самые члены элиты, служащие, крестьяне, рабочие, представители разных конфессий и пр.) в ходе социальных трансформаций тоже менялись. Они рано или поздно

принимали вменяемые им социальные месседжи и начинали работать на новые институты, созданные в целях реализации и воспроизводства подобных социальных посылов. Но не все, отдельные индивиды, точнее личности, преодолевая социальную обусловленность, шли против течения.

Выше я уже писал, что деятельность в неопределённых условиях, составляющая основу реализации социальных посылов, предполагает настройку субъектов социального действия. Одни субъекты, например, вожди, идеологи партий, президенты, элиты (в историческом плане, цари, жрецы, сословные сообщества), не только создают социальные послы и организуют их реализацию, но и настраивают других субъектов (разные сообщества, партии, электорат, отдельные индивиды) на поведение, нужное для принятия сформулированных месседжей и их реализации. В статье, посвящённой теории коммуникации, я назвал первых субъектов «публикаторами» (часто они совпадают также с властными субъектами), а вторых – «публикой» [11]. Если публикаторы, создавая социальные послы, реализуют себя и свои ценности, то публика осознает и принимает (иногда не принимает) новые реальности, которые, с точки зрения публикаторов, должны обеспечить эффективное принятие и реализацию социальных посылов.

Нужно учесть, что и публикаторы и публика – это не просто люди, а рассмотренные выше субъекты социального действия (общество, сообщества, индивиды, личности). В этом плане, скажем, публикатор часто действует, выражая убеждение общества, или сообщества или как личность; соответственно, настраивать и убеждать приходится общество, сообщества, личности.

Мой анализ показывает, что настройка сознания публики осуществляется на основе трёх основных средств (социальных технологий) – схем, создания определённых условий (например, экономических), формирования новых институтов. Например, в основании манифестов и программ нацистов лежали определённые схемы, для их реализации были созданы ряд условий (приняты новые законы, постепенно создан высокий уровень жизни, всё население подвергалось массивной идеологической обработке), чтобы воспроизводить эти схемы и условия, сформированы новые социальные технологи и обеспечивающие их социальные институты.

В теоретическом плане намеченные здесь моменты можно осмыслить в том числе в рамках те-

ории коммуникации. Её понятия позволяют различить социальные «положения» индивида и захват личностью функционального места. Эти два случая представляют для нашей концепции особый интерес. Известно, например, что в организации человек может работать очень по-разному: стараться точно выполнять свои функции, работать спустя рукава, саботировать или наоборот буквально гореть на своём месте, способствуя эффективности этой организации. Второй случай, например, тиран или вождь типа Гитлера или Сталина, когда правитель, который по идее должен думать о целом (народе, обществе), использует его для своих целей. Чтобы разобраться, что здесь происходит, рассмотрим два кейса.

(Первый кейс). Адаптивная работа в компании KPMG Netherlands

«Реформы в чрезвычайно успешной компании KPMG Netherlands служат прекрасным примером грамотной, систематичной адаптивной работы. В 1994 г. председатель совета директоров компании, Рууд Кудэйк, пришёл к выводу, что организация столкнулась с серьёзными трудностями стратегического характера...

Кудэйк и остальные члены совета директоров не сомневались, что необходимые аналитические инструменты для стратегической работы (анализа тенденций и отклонений, определения требуемых знаний, оценки конкурентной позиции и систематизации потенциальных возможностей) у них имеются. Куда меньше они были уверены в том, что смогут последовательно реализовывать стратегию, которая у них появится в результате этой подготовительной работы. Дело в том, что (так сложилось исторически) по форме организации фирма представляла собой товарищество и партнёры традиционно сопротивлялись нововведениям, поскольку их и без того вполне устраивал существующий порядок вещей...

Для начала Кудэйк провёл встречу со всеми 300 партнёрами и обратил их внимание на историю компании KPMG, текущее состояние бизнеса и трудности, с которыми они вскоре могут столкнуться. Затем Кудэйк поднял вопрос о том, каким образом можно реорганизовать фирму в целом и что именно для этого нужно сделать. Он поинтересовался мнением присутствующих по поводу поднятых проблем. Осуществляя стратегическую инициативу посредством диалога, а не жёстких предписаний, Кудэйк сумел создать среди партнё-

ров атмосферу доверия. Опираясь на это зарождающееся чувство и собственный авторитет, Кудэйк убедил их освободить 100 человек (партнёров и сотрудников другого ранга) от повседневных обязанностей и поручить им разработку стратегии. Было решено, что в течение четырёх месяцев эти 100 человек станут 60 % своего рабочего времени уделять этому вопросу.

Вместе со своими коллегами Кудэйк сформировал группу стратегической интеграции (в составе 12 старших партнёров), которая была призвана сотрудничать со 100 специалистами самого разного должностного статуса и профессионального профиля (последних так и стали называть – «сотней»). Привлечение рядовых сотрудников к разработке крупной стратегической программы было чем-то до сего времени неслыханным и с самого начала обозначило переход к новому характеру взаимоотношений: раньше руководство фирмы не проявляло ни интереса, ни уважения к мнению многих из этих людей. Разделенная на 14 оперативных групп, «сотня» должна была работать в трёх областях, занимаясь оценкой будущих тенденций и скачкообразных процессов, определением необходимого уровня знаний... Работа над стратегией постепенно продвигалась, и по мере её выполнения оперативным группам приходилось преодолевать сопротивление существующей корпоративной культуры KPMG. Почему? Потому что новую работу невозможно было выполнять в рамках старых правил и представлений. Нововведениям не было места там, где основным приоритетом стало глубокое почтение к отдельной личности, заставлявшее людей отказываться от эффективной командной работы; где укоренившиеся индивидуальные представления мешали искренней дискуссии; где «кастовость» подразделений препятствовала комплексному решению проблем с участием разных специалистов. Хуже того, члены оперативных групп осознали, что и сами они привыкли избегать конфликтных ситуаций и не склонны открыто обсуждать спорные вопросы. В итоге часть этих групп доказала свою несостоятельность и непригодность к выполнению стратегической работы.

Желая сосредоточить внимание этих сотрудников на тех аспектах организационной жизни, которые требовали изменений, Бот (директор KPMG по маркетингу и коммуникациям) помог им провести сравнительный анализ существующей корпоративной культуры и той, которой они хотели достичь. В итоге всем стало ясно, насколько

реальность далека от идеала. Существующая культура отличалась наличием антагонистических точек зрения, требованием внешней безупречности отношений и стремлением избегать конфликтов. Основными характеристиками желаемой культуры были: создание возможностей для самореализации, формирование благоприятной окружающей среды и поддержание доверительных отношений с коллегами. Чёткое обозначение этого разрыва между желаемым и действительным позволило сотрудникам KPMG реально ощутить те трудности адаптации, о которых говорил Кудэйк. Иначе говоря, люди, которые должны были осуществить организационные перемены, в итоге осознали необходимость корректировки собственного поведения... Вооружённые новым пониманием своей миссии, они смогли стать «эмиссарами» для остальных сотрудников.

Адаптивная работа велась и на индивидуальном уровне: каждый должен был определить свои личные трудности адаптации и ответить на вопросы: «Какие установки, манеры и привычки нужно лично мне изменить и что конкретно я должен для этого сделать? Кто ещё должен внести свой вклад, чтобы желаемые изменения смогли закрепиться?» Выступая в роли наставников и консультантов, члены оперативных групп давали друг другу советы и делились впечатлениями о своих и чужих достижениях и ошибках. Они научились доверять людям, внимательно слушать собеседника и относиться к коллегам с неподдельным участием.

Достижения в этой области привели к необычному росту доверия, и члены оперативных групп начали понимать, что означает корректировка поведения применительно к повседневной деятельности. Они научились определять трудности адаптации и даже создали специальный язык, чтобы обсуждать шаги, необходимые для совершенствования способности коллегиально решать проблемы. Они говорили о диалоге, уклонении от ответственности и коллективном интеллекте группы, не боясь уличить друг друга в непродуктивном поведении. Они приступили к формированию корпоративной культуры, необходимой для воплощения в жизнь новой деловой стратегии...

Процесс преобразований сделал возможной открытую дискуссию конфликтующих сторон. Люди сосредоточили внимание на спорных вопросах и благодаря этому постепенно научились конструктивно улаживать конфликты. Чтобы снизить накал страстей, использовался ряд специальных методов...

Все эти меры в совокупности привели к изменению установок и стиля поведения людей. Пытливость ума стали ценить выше, чем строгое соблюдение правил. Сотрудники теперь меньше зависели от непосредственного начальства; место жёсткой субординации занял полноценный диалог. Упрямое стремление отстаивать свою позицию сменилось уважением к мнению других. Появилась уверенность в способности представителей разных отделов работать вместе и находить общие решения. Вскоре самыми уважаемыми людьми в компании стали нестандартно мыслящие специалисты, генерирующие интересные идеи.

Сумев преодолеть стратегические и адаптивные трудности, компания KPMG начала переход от аудирования к подтверждению достоверности, от операционного консалтинга к формированию корпоративного видения, от реинжиниринга бизнес-процессов к развитию организационных способностей и, наконец, от обучения традиционным навыкам к созданию «обучающихся» предприятий. Члены оперативных групп выявили массу новых деловых возможностей, которые могли принести от 50 до 60 млн. долларов.

Многие старшие партнёры, прежде считавшие, что в фирме, основной формой деятельности которой до сего времени был аудит, не могут работать творческие люди, очень удивились, когда увидели, какое развитие получили такие качества сотрудников, как креативность, увлечённость, изобретательность и готовность идти на риск» [12, с. 210-217].

Рассмотренный материал позволяет сформулировать следующую гипотезу. Можно воздействовать на сотрудника или прямо, например, предложив ему лучшее место, дополнительную оплату, более высокую должность и прочее, или, что, вероятно, более эффективно, инициировав профессиональное сообщество на такие изменения, которые не только повлияют в нужном направлении на отдельного её члена, но и приведут к изменению в работе всей организации. Именно это и произошло.

Исследования Дж. Коллинза компании «Walgreens», нарастившей за 5 лет свои показатели более чем в 15 раз, показали, что «не играет главной роли ни капитал, ни менеджмент с разработкой своих стратегий, миссий, политик, ни особая роль линейно-штабной или дивизионной структуры управления. Решающую роль сыграла сознательно построенная целостность производственного коллектива на основе добровольно разделяемой все-

ми системы ценностей. В «теле» этой целостности решались все вопросы – и формальные и неформальные, и рутинные и инновационные. Они решались на основе самоорганизации этого коллектива с позиций общих ценностей, всякий раз перестраиваясь по мере поступления проблем» [13, с. 96].

Данный кейс можно использовать для иллюстрации практически всех пяти топов. Действительно, излагая случай с компанией KPMG, авторы статьи Рональд А. Хейфец и Дональд Л. Лаури явно стремились показать значение инициативы и свободного диалога, эти гуманитарные ценности во многом определили содержание и акценты в их исследовании. Дальше, они рассматривали именно направляемую социальную трансформации (реформу компании). Характеристика взаимодействия субъектов в компании составляла главное ядро из анализа. Сначала Кудэйк инициировал совет директоров и Бота, т.е. выступил как публикатор, потом все они инициировали начало реформы и создание сотни, в свою очередь, выступая коллективным публикатором, затем уже сотня настраивала остальной коллектив на преобразования, т.е. выступила публикатором. Авторы рассматривали, каким образом диалог и свободное творчество (в том числе, создание новых схем) помогло в настройке коллективе и проведении реформы компании. Материал статьи позволяет обсуждать и характер социального действия, он основывался, с одной стороны, на рефлексии ситуации и анализе узких мест, с другой – на выстраивании стратегии реформирования и её реализации в результате инициирования коллективного политического действия. Здесь можно вспомнить и представления Х. Арендт о политике. С её точки зрения, политика сложилась в античности, когда свободные от хозяйственных забот и имеющие рабов граждане выходили на агору, чтобы как равные с равными обсудить дела полиса и принять нужные решения. «Смотря на вещи с этого ракурса (когда считают, что «всеми публичными делами управляют власть и интерес»), – пишет Арендт, – мы ничего не узнаём о настоящем содержании политической жизни – о радости и удовлетворении от пребывания в компании равных, от совместных действий и появлений на публике, от того, чтобы с помощью слов и дел включаться в дела мира, тем самым приобретая и поддерживая свою личную идентичность и начиная нечто совершенно новое» [14, с. 389].

Наконец, пусть только в наметке, но речь шла о социальном организме, переходящем из одного

режима жизнедеятельности в другой, претерпевающим метаморфоз.

В теоретическом плане для характеристики третьего топа важным являются следующие различия.

- Индивиды, участвующие в направляемых социальных трансформациях и обеспечивающие их своей деятельностью, могут переходить (переходят) из одних «социальных положений» в другие (например, работать по своему штатному расписанию, потом в сотне, потом возвращаться к привычным ролям).
- Переходя из одних социальных положений в другие, они часто несут в себе энергию, видение, навыки, приобретённые (наведённые) в этих других положениях.
- Деятельность индивидов, обеспечивающих направляемые социальные трансформации, существенно зависит от указанных наведённых и приобретённых моментов. В этом плане можно ввести понятие «антропологические условия осуществления деятельности» (кратко «антропоусловия»), т.е. помимо привычных элементов деятельности, таких как цель, объект, процедура, средства, продукт и др., в социальных науках необходимо понимать деятельность, как включающую антропоусловия.
- Если речь идёт об анализе деятельности, протекающей в условиях неопределённости, то анализ антропоусловий становится совершенно необходимым.
- Машины деятельности, составляющие основу направляемой социальной трансформации, работают по-разному в зависимости от антропоусловий (например, настройка отдельных воинов и армии существенно определяет эффективность действия машины войны).

(Второй кейс). И. Клочков в своей книге приводит интересный древнеассирийский текст. Напомню. «Солнечные или лунные затмения предвещали смерть или опасность для царя. В зависимости от положения светил, астрологи (но на самом деле это были не астрологи, а жрецы) могли объявлять опасным весьма продолжительный период времени, до 100 дней. Царя на это время отправляли в загородную резиденцию, где его называли «земледельцем» и подвергали различным ограничениям, тогда как во дворце поселяли подставное лицо, наделённое всеми внешними атрибутами власти. По минованию опасного периода

«подменного царя» убивали (должно же предсказание сбыться!), а истинный царь возвращался в свой дворец» [15, с. 160].

Как можно истолковать этот случай. Жрецы имеют, по меньшей мере, три социальных положения: как посредники между богами и людьми, они рассчитывают «плохие» и «хорошие» дни; как члены сообщества жрецов, они стараются реализовать соответствующие ценности и убеждения (в том числе считают, что власть должна принадлежать именно жрецам, а не царям); как советники царей, могут давать им рекомендации. Жрец, придумавший приведённый здесь сценарий, перенес из первого и второго положения в третье представления и возможности, которые получил в двух первых. Для него этот перенос был естественной формой реализации его личности, имеющей три социальных положения, но чтобы реализовать себя в этих положениях, ему нужно было изобрести приведённый сценарий.

Многое здесь, конечно, зависит именно от личности. Если последняя попала во власть, убеждена в своей гениальности и всеилии, не ставит ни во что общество, если, в свою очередь, общество потеряло контроль за властью, то развитие событий в сторону тирании или культа личности вполне закономерно. В этом плане нет большого различия между тираном и чиновником, извлекающим ренту из своего положения, оба используют социальные места и положения не в заданных обществом рамках и функциях, а в собственных целях.

Четвёртый топ. Почему в настоящее время в социальных науках всё чаще говорят о социальной неопределённости? Вероятно, потому, что многим кажется, что изучение социальной реальности позволит не просто улучшить результаты социальных преобразований, а поставить их на твёрдое основание. При этом подразумевается, что социальными процессами можно управлять на основе знаний, полученных в социальных исследованиях. К. Маркс именно так и считал, но что получилось из открытых им социальных законов, мы знаем.

Итак, одно понимание социального действия связано с идеей управления социальными процессами на основе их изучения. По аналогии с инженерией и естественными науками социальные учёные и практики стали говорить о социальной физике и социальной инженерии. Следующий закономерный шаг – социальное проектирование, позволяющее, с точки зрения идеологов социальной инженерии, эффективно строить нужные

социальные процессы и структуры. Мой анализ показывает, что в ходе реализации социального проектирования не удаётся преодолеть два основных недостатка, присущих социальным преобразованиям. Один – *низкая проектообразность* (социальные проекты или утопичны, не реализуемы, или подменяются социальными манифестами, концепциями, программами), другой – *искажение или выпадение социальных параметров*, предъявляемых к проектируемому объекту. Например, социальное проектирование 20-30-х гг., ставившее своей целью создание новой культуры и человека, реально позволило создать не новые социальные отношения или человека, а новые заводы, дома-коммуны, клубы, дворцы культуры; проекты микрорайонов или экспериментальных жилых районов 60-70-х гг. привели не к новым формам общения и социализации (как замышлялось), а всего лишь к новым планировкам и благоустройству, проекты региональных социокультурных преобразований на селе оказались утопичными и т.д. [6].

Конец прошлого и начало этого века принесли с собой осознание того, что социальная действительность быстро трансформируется и меняется буквально на глазах. Падение системы социализма, распространение современных информационных технологий и средств связи на все основные страны мира, процессы глобализации и дифференциации, волны социальной миграции, мультикультурализм – вот только некоторые характерные изменения захватившие нашу планету. Быстро меняется в наше время и понимание социального действия. Идеи управления и социальной инженерии всё больше ставятся под сомнение, зато возрастает значение политики, понимание необходимости вовлечения в социальное действие всех заинтересованных субъектов и лиц, воздействия на социальные процессы в условиях неопределённости и дефицита знаний, социального сценарирования и инициирования, важности отслеживания реального процесса социальных изменений и рефлексии, а также коррекции исходных замыслов, целей и способов их реализации.

Не менее важным является пересмотр социальной онтологии: не объективированные социальные процессы и структуры, а сложные взаимопроницаемые среды и поля, в формирование и функционирование которых делают вклад сами социальные акторы. Всё большее распространение получают стратегии средового воздействия: стимуляция социальной среды, социальные мессед-

жи, создание условий для формирования нужной социальной среды. В целом же постепенно складывается понимание того, что наша социальная активность и действия только в том случае будут эффективными, если они выступают как необходимые условия и аспекты органической жизни социальных образований (социальных сред, институтов, организмов).

Даже указанные здесь, лишь некоторые изменения социальной действительности позволяют утверждать, что идеи и практика социального проектирования в значительной степени исчерпали себя. Конечно, задача контролируемого социального воздействия не может быть снята с повестки дня, и даже стала ещё актуальнее, но конкретные формы её решения могут и должны меняться. Вместо социального проектирования, вероятно, должны прийти новые идеи.

Пятый топ. Альтернативой социальному проектированию выступает управление, но не любое, а ориентированное на представление о социальности как социальном организме. Примером подобного подхода является наше с Л.Г. Голубковой исследование управления [17]. Мы стали рассматривать управление *в рамках более широкого целого*, а именно, с одной стороны, в контексте *процессов глобализации и других трендов мирового развития*, с другой стороны, в рамках *процессов и трансформаций, характерных для нашей страны*. Это *первый момент*.

Не отказываясь от деятельностной точки зрения (т.е. что управление есть «деятельность над деятельностью») и охват управляемой подсистемы знаниями), мы одновременно в отношении управления попытались реализовать принципы культурологии и гуманитарного (исторического) знания. Конкретно это вылилось в анализ управления как культурно-исторического образования, в необходимость учитывать типы культур и социальности, обусловившие особенности разных видов управления, в том числе управления как регионального образования. Другой аспект культурологического и гуманитарного подходов к управлению – рассмотрение людей в системах управления не только как специалистов, но и как индивидов, личностей, сообществ. Это *второй момент*.

Третий момент – *реализация ценностно-прагматического подхода*, а именно мы рассматривали управление, в том числе *с точки зрения задач сохранения и развития российской культуры*, критически оценивая те глобалистические

тенденции и процессы, которые искажают и разрушают нашу жизнь.

Анализируя реформы Тэйлора, мы, например, показали, что в результате его нововведений сформировался *социальный организм* – производство, во главе которого стоят менеджеры, отслеживающие конкуренцию и постоянно меняющие производство. Сложилось управление, с помощью которого, с одной стороны, описывается и моделируется собственное состояние производства и внешняя среда (здесь значение исследований), с другой стороны, производство перестраивается (роль проектирования, реорганизации, обучения) и, как следствие, меняется внешняя среда (через информацию, рекламу и товары), да и сами менеджеры вынуждены меняться (переобучение и реализация определённых установок корпоративной культуры). При этом менеджерам приходится менять не только само производство, но и выстраивать новые отношения с людьми. В этом принципиальная двойственность феномена управления, это всегда и *организация производства, и взаимоотношения с людьми*.

Именно менеджмент выступил катализатором, запустившим процесс становления *производства как живого организма*. Менеджер – это не просто специалист по управлению, а *человек вместе с системой управления*; управление – не просто набор механизмов (исследование, проектирование, работа с информацией, принятие решений, реализация их и прочее), а *механизмы на конкретных людях*. (Чтобы схватить оба эти момента, Тихонов в теории управления вводит понятие «социальное тело»). В производстве как живом организме отражение действительности обеспечил человек (менеджер), способности которого расширились и усилились за счёт системы управления; в качестве органов подобного организма выступили подразделения организации, направляемые менеджерами, системы жизнеобеспечения («питания», «связи», «выделения отходов» и прочее) сложились на основе производства и его подсистем, организованных менеджментом в логике управления, наконец, схождение всех подсистем в единое целое, адаптация органов друг другу (без чего организм никогда бы не сложился) обеспечивались становлением, направляемым и структурируемым с помощью концептуализаций «машина», «система», «организация» (бюрократическая организация, организация-община, организация-система, естественная организация и др.), наконец, собственно «организм».

С точки же зрения самого управления, важно, что здесь, по меньшей мере, четыре начала (целых): 1) *технология управления* (принятие решений, выборы, исследования, проектирование, получение и анализ информации, реализация и прочее), 2) *сообщество менеджеров*, находящихся в различных отношениях с другими сообществами (владельцами предприятий или вышестоящими руководителями, управляемым персоналом, потребителями и клиентами, российским обществом в целом и сообществами), 3) *предприятия* для первого феномена управления, *социальные и общественные структуры* для второго, наконец, 4) *внешняя социальная среда* (рынок, потребители, клиенты, население территории, государство и пр.). Чтобы объяснить функционирование и изменение управления, как обусловленное этими началами, уже недостаточно представлять его как «деятельность над деятельностью» (хотя такой срез имеет смысл для решения более частных задач) или как «социальное тело».

Управление – это скорее *орган социального организма, живущего в разных социальных средах*. Для управления характерно требование *развития*, но в одном случае развития в контексте *конкуренции предприятий*, а в другом – в контексте *развития территорий и требований улучшения качества жизни населения (сообществ)*, проживающего на данной территории. По сути, и конкуренция основывается на социальных отношениях, характерных для определённых территорий и сообществ, но отношений устоявшихся и воспринимаемых поэтому как естественный социальный фон. Например, почти не обсуждается то обстоятельство, что тейлоровскую революцию подготовил ряд социальных условий. К ним относится не только развитие науки, инженерии и технологии, но и действие таких либерально-демократических институтов как рынок, право, частная собственность, независимый суд и парламент, капиталистическое общество и личность.

Заканчивая, хочу сказать следующее. Отдаю себе отчёт, что анализ топов диспозитива социальности только намечен и, уж конечно, неполон. Но если сам этот заход (поворот) окажется перспективным, работу по конкретизации и прояснению топов можно будет продолжить. Безусловно, ряд предлагаемых здесь представлений и понятий существенно расходятся с общепринятыми (правда, если таковые сегодня существуют), но зачем писать статьи, если в них нет ничего нового.

Список литературы:

1. Розин В.М. Методологический анализ книги З. Баумана «Актуальность холокоста» // Политика и общество. 2014. № 12.
2. Латур Бруно. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Пер. с англ. И. Полонской. М., 2014.
3. Фуко М. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996.
4. Бауман Зигмунт. Актуальность холокоста. М., 2010.
5. Рудаков А.Б. Контроль над обществом: опыт Главного управления имперской безопасности Третьего рейха. (URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/636/>).
6. Розин В.М. Теоретическая и прикладная культурология. М., 2007. С. 232-354.
7. Розин В.М. Введение в схемологию. Схемы в философии, культуре, науке, проектировании. М., 2011.
8. Розин В.М. Социокультурный анализ походов Александра Македонского и размышление о сущности войны // Культура и искусство. 2015. № 3.
9. Розин В.М. Эволюция инженерной и проектной деятельности и мысли. Инженерия: становление, развитие, типология. М.: ЛЕНАРД, 2013.
10. Стоцкий Георгий. Народное государство Гитлера. (URL: <http://www.vaadua.org/news/narodnoe-gosudarstvo-gitlera>). Источник: Götz Aly – "Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus.
11. Розин В.М. Коммуникация и социальность // Политика и общество. 2014. № 9.
12. Хейфец Рональд А., Лаури Дональд Л. Работа лидера // Лидерство. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.
13. Тихонов А.В. Социология управления. М., 2007.
14. Арндт Х. Истина и политика // Между прошлым и будущим. М., 2014.
15. Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М., 1989.
16. Розин В.М. Смена понятий типа и типологии в архитектурном проектировании // Тренды и управление. 2014. № 1.
17. Розин В.М., Голубкова Л.Г. Изучение и природа управления // Политика и общество. 2013. № 6.
18. Попов Е.А. Междисциплинарный опыт гуманитарного знания и современной социологической науки // Политика и общество. 2013. № 4.

References (transliteration):

1. Rozin V.M.. Metodologicheskii analiz knigi Z.Baumana «Aktual'nost' kholokosta» // Politika i obshchestvo. 2014. № 12.
2. Latur Bruno. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu / Per. s angl. I. Polonskoi. M., 2014.
3. Fuko M. Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. M., 1996.
4. Bauman Zigmunt. Aktual'nost' kholokosta. M., 2010.
5. Rudakov A.B. Kontrol' nad obshchestvom: opyt Glavnogo upravleniya imperskoi bezopasnosti Tret'ego reikha. (URL: <http://www.dynacon.ru/content/articles/636/>).
6. Rozin V.M. Teoreticheskaya i prikladnaya kul'turologiya. M., 2007. S. 232-354.
7. Rozin V.M. Vvedenie v skhemologiyu. Skhemy v filosofii, kul'ture, nauke, proektirovanii. M., 2011.
8. Rozin V.M. Sotsiokul'turnyi analiz pokhodov Aleksandra Makedonskogo i razmyshlenie o sushchnosti voiny // Kul'tura i iskusstvo. 2015. № 3.
9. Rozin V.M. Evolyutsiya inzhenernoi i proektnoi deyatel'nosti i mysl'i. Inzheneriya: stanovlenie, razvitie, tipologiya. M.: LENARD. 2013.
10. Stotskii Georgii. Narodnoe gosudarstvo Gitlera. (<http://www.vaadua.org/news/narodnoe-gosudarstvo-gitlera>). Istochnik: Götz Aly – "Hitlers Volkstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus.
11. Rozin V.M. Kommunikatsiya i sotsial'nost' // Politika i obshchestvo. 2014. № 9.
12. Kheifets Ronal'd A., Lauri Donal'd L. Rabota lidera // Liderstvo. M.: Al'pina Biznes Buks, 2009.
13. Tikhonov A.V. Sotsiologiya upravleniya. M., 2007.
14. Arendt Kh. Istina i politika // Mezhdru proshlym i budushchem. M., 2014.
15. Klochkov I.S. Dukhovnaya kul'tura Vavilonii: chelovek, sud'ba, vremya. M., 1989.
16. Rozin V.M. Smena ponyatii tipa i tipologii v arkhitekturnom proektirovanii // Trendy i upravlenie. 2014. № 1.
17. Rozin V.M., Golubkova L.G. Izuchenie i priroda upravleniya // Politika i obshchestvo. 2013. № 6.
18. Popov E.A. Mezhdistsiplinarnyi opyt gumanitarnogo znaniya i sovremennoi sotsiologicheskoi nauki // Politika i obshchestvo. 2013. № 4.